

Kerry
Konsdale

Kerry
Konsdale

Романы Кэрри Лонсдейл

1. Лазурь на его пальцах
2. Все, что мы оставили позади

Разбивая волны

КЭРРИ ЛОНСДЕЙЛ

ВСЕ, ЧТО МЫ
ОСТАВИЛИ
ПОЗАДИ

Москва
2019

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л76

Kerry Lonsdale
EVERYTHING WE LEFT BEHIND

© 2017 Kerry Lonsdale Inc.
This edition is made possible under a license
arrangement originating with Amazon Publishing,
www.apub.com, in collaboration with
Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *И. Крупичевой*
Художественное оформление *П. Петрова*

Лонсдейл, Кэрри.
Л76 Все, что мы оставили позади : [роман] / Кэрри Лонсдейл ; [пер. с англ. И. Крупичевой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-094812-3

В результате несчастного случая внутри Джеймса оказались заперты две личности — оба художники, но с непохожими судьбами. Выходцы из разных стран и семей. Возлюбленные разных женщин. Носители различных ценностей.

Чтобы разорвать этот порочный круг, Джеймс решает отказаться от одной из судеб, но делает неверный выбор. Воспоминания о прежней жизни застилают жизнь нынешнюю, и последние шесть лет напрочь стираются из его памяти. Не потеряться в этой новой действительности ему помогают дневники Карлоса — одной из личностей, — который подробно описывал все то, что происходило с ним в течение шести лет.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Крупичева И., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-094812-3

*Посвящается моим родителям,
сохранившим веру*

Пролог

ДЖЕЙМС

*Шесть месяцев назад
18 декабря
Пуэрто-Эскондидо, Мексика*

Ему снова снилась *она*. Глаза ее были настолько яркими и горящими, что, казалось, прожигали душу. Когда она перекатывалась через него, целуя его разгоряченную кожу, ее темные вьющиеся волосы ласкали его грудь. Через два месяца они должны были пожениться. Он не мог дождаться той поры, когда будет каждое утро просыпаться рядом с ней, уже как с женой, и нежно любить ее — так же, как она любила его сейчас.

Ему нужно было сказать ей что-то очень важное. И что-то очень срочное сделать. Нечто, что все время ускользало от него, скрывалось в окутанных туманом уголках сознания. Он старательно сфокусировался на этой мысли, пока наконец..

«Я должен ее защитить».

Он должен был защитить свою невесту. Его брат уже покусился на ее честь и попытается обидеть ее снова.

И он увидел своего брата — с решительным упрямством во взгляде. Граничащим с безумием. Они были на яхте. У брата было ружье, и он угрожал. Потом брат навел оружие на него. Поскольку было ясно, что он выстрелит без малейших колебаний, — он нырнул в воду.

Океан оказался бурным, тут же потащил его на глубину. Он почувствовал, что тонет. Пули между тем чиркали по поверхности, проскальзывая мимо его головы и туловища, едва не попадая в цель.

Все сильнее ощущая нехватку воздуха, он греб руками все сильнее и быстрее, подгоняемый самым что ни на есть великим страхом, что ему довелось когда-либо испытать. *Он должен ее защитить.*

Высокие могучие волны яростно швыряли его на скалистый берег. Его лицо, руки, ноги раздирали жгучей болью. Океан не отпускал его — однако его воля, намерение защитить любовь всей своей жизни оказались сильнее. Он должен был успеть добраться до нее до того, как к ней прикоснется его брат. Течение все норовило затянуть его под воду, и он плавал, стараясь держаться на поверхности, будто дрейфуя по волнам — вперед-назад, вверх-вниз.

Потом вдруг наступил мрак.

— *Papá! Papá!* — завопил детский голос.

Он резко распахнул глаза. Над ним, сбивая простыни, скакал маленький ребенок. Вокруг кровати, радостно смеясь, подпрыгивал мальчик постарше.

— *Despiértate, papá! Tengo hambre*¹, — кричал ему по-испански малыш.

Он напряг мозги, извлекая из памяти курс испанского в далеком колледже. Ребенок был голоден и к тому же называл его папой.

«Куда ж это меня, к чертям собачьим, занесло?»

Он резко сел в постели и тут же, передумав, откинулся обратно, к изголовью. Находился он в спальне, в окружении многочисленных фотографий в рамочках. На многих снимках он обнаружил самого себя — од-

¹ Вставай, папа, хватит спать! Я хочу есть (*исп.*).

нако ни на миг не помнил, как на них фотографировался. Окна, расположенные справа от него, выходили на балкон, а там, дальше, простирался океан.

«Какого черта?!» Кровь словно отлила от лица, тело прошибло холодным потом.

Ребенок подскочил ближе, подпрыгивая на кровати и крутясь в воздухе вокруг своей оси:

— *Quiero el desayuno!*¹ *Quiero el desayuno!*

— Хватит прыгать, — прохрипел он и поднял руки, чтобы защититься от мальчишки, оказавшегося уже совсем рядом с его лицом. Он совершенно не понимал, где он и кто он. Необъяснимая паника своими жуткими пальцами схватила его за горло. — Прекрати сейчас же!!!

Малыш замер. Пару мгновений ребенок смотрел на него широко раскрытыми глазами, потом торопливо скатился с постели и убежал из комнаты.

Он зажмурил глаза и мысленно досчитал до десяти. Когда он откроет глаза, все должно вернуться в нормальное состояние. Он просто перенервничал: работа, предстоящая свадьба, неприятности с братьями. В этом, должно быть, все дело. Все это только сон.

Наконец он открыл глаза. Ничего не изменилось. Грудь словно сдавило, дыхание стало резким и тяжелым. Это был не сон. Это оказался ночной кошмар, и он сейчас был в самом его эпицентре.

На тумбочке у кровати он заметил мобильник. Взял его в руку, активировал экран. Когда высветилась дата, сердце замерло. «Ведь должен же быть май. Какого черта там декабрь, причем... через шесть с половиной лет после свадьбы?!»

От входа послышался какой-то шум, и он вскинул голову. В дверях стоял мальчик постарше с сильно побледневшим кофейно-загорелым лицом.

¹ Хочу завтрак! (*исп.*)

— *Rarà?*

Он снова сел в постели:

— Кто ты такой? И кто я? Что это за дом?

Похоже, его вопросы напугали мальчугана, однако из комнаты он не ушел. Вместо этого подтянул к стенному шкафу стул, забрался туда и вытащил с самой верхней полки небольшой металлический ящик. Спустившись со стула, поднес ящик к нему и потыкал в кнопочную панель, вводя четырехзначный цифровой код. Замок со щелчком открылся. Мальчик поднял крышку и, оставив ящик, медленно попятился из комнаты, не сдерживая бурных слез.

Внутри металлического ящика оказались разные государственные документы: паспорта, свидетельства о рождении и о браке, и тут же, о смерти некой Ракель Селины Родригес. В самом низу лежали несколько флешек и компьютерных дисков, а рядом с ними — помолвочное кольцо. Он узнал это кольцо. *Она* его носила.

Подняв кольцо к свету, недоуменно уставился на него: «Почему же она теперь его не носит?»

Он положил кольцо обратно в металлический ящик, и тут глаза наткнулись на белый конверт. Письмо было адресовано ему. *Джеймсу*.

Он вскрыл конверт и вытащил оттуда письмо:

«Пишу я это в пору неизвестности, рано или поздно ожидая неизбежного конца.

Боюсь, настанет день, когда я вспомню, кем я был, и забуду, кто я есть. Меня зовут Джейми Карлос Домингес. Некогда я был известен как Джеймс Карлине Донато.

Если я читаю эту записку, совершенно не помня, как ее написал, — то должен знать одно: я — это ты»¹.

¹ Пролог — перевод Н. Флейшман.

Глава 1

ДЖЕЙМС

*Настоящее время
21 июня
Сан-Хосе, Калифорния*

Умереть намного легче, чем вернуться к жизни. Кипы документов, необходимых для восстановления его личности, хватило бы для того, чтобы снова высосать из него жизнь.

Возможно, ему следовало оставаться мертвым. Потому что здесь для него не осталось ничего ценного. Это было чертовски ясно.

Мысль прошлась по мозгу Джеймса, словно мяч, посланный на бейсбольном поле, с силой ударившийся о внешнюю стенку. Она оставила тупую боль в виске и пустоту в груди.

Джеймс уставился на небо над Сан-Хосе, глядя на него из окна кабинета своего брата Томаса в «Донато Энтерпрайзес». Заходящее солнце отражалось в стеклянных стенах зданий, окрашивая их в сияющие золотистые и оранжевые тона. Потеряно шесть с половиной лет, и он ни черта не может сделать, чтобы вернуть это время.

Но он помнил тот день, когда оставил Эйми, как будто это произошло вчера.

Он шагал взад и вперед вдоль окна, преследуемый тем разговором, который у них состоялся ночью, перед

его уходом. «Меня не будет меньше недели, ты даже не успеешь по мне соскучиться». Потом он поцеловал ее и занялся с ней любовью. Его пальцы ласкали лунный свет в ее волосах, Джеймс уверял, что их будущее будет только таким, каким они хотят, он освободится от своих обязанностей перед «Донатом Энтерпрайзес». Он хотел заниматься искусством. Его губы прошлись по изящным линиям ее бедер, по изгибам икр, он пообещал заботиться о ней до конца своей жизни.

Но не смог сдержать это обещание. Он предал ее.

Столько времени потеряно. Такая часть его жизни пропала. Его дом. Его искусство. Его личность.

Любовь всей его жизни.

Эйми.

Ее имя шепотом прошло через него.

Знает ли она, что он вернулся в Штаты? Знает ли она, что вернулся *он*, ее Джеймс?

Они не виделись с тех самых пор, когда больше пяти лет назад она нашла его в Мексике. Она выяснила, что он жив, а не погиб, как уверил всех его брат Томас. Мерзавец даже организовал похороны Джеймса и поставил памятник на семейном кладбище.

Томас сказал ему, что это для его защиты, иначе Фил снова попытался бы убить его, чтобы спасти собственную задницу.

Старший брат воспользовался его амнезией: Джеймс абсолютно ничего не помнил о себе. Томас даже создал для него новую личность, новую жизнь.

Джейми Карлос Домингес. Художник. Вдовец. Отец.

Он совершенно не помнил приезда Эйми в Мексику, как не помнил и того, что влюбился в Ракель, своего физиотерапевта, женился на ней, усыновил ее сына Джулиана и стал отцом для их общего сына Маркуса. Ракель умерла, рожая Маркуса. Томас рассказал о его

жизни в Мексике под именем Карлоса, но у Джеймса не осталось об этом никаких воспоминаний. Он не мог вспомнить, *как* очутился в Мексике.

Память сохранила только то, как он оказался на пляже Сикатела, окровавленный, ничего не понимающий и не имеющий ни малейшего представления о том, кто он и откуда.

Но у него остались дневники, которые больше шести лет вел Карлос, они были аккуратно сохранены им на флешке. Ежедневные записи прекратились за два дня до того, как он снова стал Джеймсом.

Этот чертов парень вел дневник.

Из горла Джеймса вырвался странный звук. Ирония судьбы: каждый раз, когда он ругал Карлоса, он ругал самого себя. Но, когда он отделял себя от Карлоса, ему было легче смириться с потерянным временем.

В этом Карлосе было много такого, чего Джеймс не понимал. Но вот параноидальный страх Карлоса потерять свою личность был ему понятен. Потому что, когда Джеймс вернулся, снова появился на страницах газет и журналов, а мозаика фотографий в рамках на стенах и металлический ящик с кодовым замком со свидетельствами короткой жизни Карлоса остались в прошлом, он оказался навсегда потерян для этого мира.

Джеймс вспомнил вещи, хранившиеся в том ящике с замком. Фотографии, свидетельства о рождении и смерти. Кольцо Эйми, которое Джеймс подарил ей на помолвку.

Его пальцы коснулись граней бриллианта на этом кольце, которое он сунул глубоко в карман. Тонкий габардин костюмных брюк царапал бедра, давно привыкшие к широким шортам. А кольцо было твердым, холодным напоминанием о том, что всю оставшуюся жизнь он будет расплачиваться за свои ошибки не

только шрамами, покрывшими его тридцатишестилетнее тело. Рубец от правого виска до подбородка, неправильно сросшийся нос, неровная кожа на бедре — след от пули, как полагал Джеймс. С этими шрамами он мог справиться. Но вот с тем, что он никогда не разделит жизнь с Эйми, потому что сам все испортил, Джеймс смириться никак не мог.

Он подумал о своих сыновьях, которые ждали его в конференц-зале. Одиннадцатилетний Джулиан ненавидел Джеймса. Он был убежден в том, что Джеймс не хочет быть их отцом и собирается отправить их на Гавайи к сводной сестре Ракели, Наталии Хейз. Шестилетний Маркус боялся его с того самого дня, когда отец вдруг заговорил по-английски. Джеймс уже не тот *раpá*, что прежде.

Одному богу известно, как он сумеет устроить своих сыновей в новом доме и в новой для них стране. Будут ли они доверять ему, как отцу, когда они все вместе попытаются начать новую жизнь?

Но Эйми не станет частью этой жизни.

Джеймс вздохнул, преодолевая боль глубоко в груди.

— Она с тобой не встретится.

Джеймс сжал в кулаке кольцо, медленно отвернулся от окна и свирепо посмотрел на брата. Томас сидел за письменным столом, бездумно постукивая ручкой «Монблан» по стеклянной поверхности. У Джеймса шевельнулись уши, ловя звук. Ручка царапала стекло. Джеймс крепче сжал бриллиант, и камень впился ему в ладонь. Захотелось ударить Томаса, ощутить тошнотворный треск сломанных костей, чтобы камень завибрировал в его руке. Это желание захватило Джеймса. Почти.

«Держи себя в руках, Джеймс».

Томас выдержал взгляд младшего брата, его бровь изогнулась, как будто он ждал возражений Джеймса.

ВСЕ, ЧТО МЫ ОСТАВИЛИ ПОЗАДИ

— Откуда ты знаешь? — спросил Джеймс, снова отворачиваясь к окну. — Ты не видел ее пять лет.

Постукивание ручки прекратилось.

— Я с ней не разговаривал.

В декабре, когда Джеймс начал бомбардировать Томаса вопросами об Эйми, брат не смог на них ответить. После возвращения в Штаты она обратилась в суд, и судья установил для Томаса временный запрет на приближение к ней. Эйми не хотела иметь дела ни с Томасом, ни с семьей Донато. Когда запрет был снят, они обменялись несколькими электронными письмами, и Томас оставил ее в покое.

Джеймс не винил Эйми. Если бы он не настолько полагался на помощь Томаса, чтобы вернуться к привычной жизни, он бы тоже вычеркнул его из своей жизни. Джеймс даже подумывал о том, чтобы подать в суд на Томаса за нарушение его человеческих прав. Но собственный стыд и уважение к матери остановили Джеймса. Три сына Клэр Донато уже достаточно сделали для того, чтобы разрушить семью. Кроме того, Джеймс заслужил то, что с ним произошло. Из-за собственных ошибок он оказался там, где оказался, покинутый и практически забытый.

— Я видел Эйми, — пробормотал Томас.

Джеймс надел кольцо на мизинец. Он облокотился на стекло, постучал по нему пальцем и задумался, прав ли Томас. Захочет ли Эйми видеть его?

Колесики кресла прокатились по плотному ковру, и отчетливый хруст дорогой ткани всколыхнул воздух. Томас тоже подошел к окну и встал рядом с Джеймсом.

— Лос-Гатос — маленький город. Я прохожу мимо ее кафе почти каждый день. Я не могу не видеть ее или Яна. Или их дочку.

Джеймс уперся лбом в стекло.